

Ежегодно Комиссия по ценным бумагам отклоняет сотни заявок на листинг, и обычные пользователи сети редко обращают на это внимание. Однако биотехнологическая компания «Сухэ» в последнее время была у всех на слуху, поэтому новость об отказе мгновенно всколыхнула интернет.

«Так им и надо! Разве такая безумная компания достойна выхода на биржу? Чтобы они наживались на нас, рядовых инвесторах?»

«Когда они уже окончательно закроются? Жду не дождусь этого дня!»

«Какое счастье, что всё вскрылось до листинга, иначе они бы просто обобрали вкладчиков до нитки!»

«Эх, как же не хватает продукции медицинской компании «Нунъань». С тех пор как она обанкротилась, больше не найти товаров с таким идеальным соотношением цены и качества. Как же несправедливо обошлись с Ли Цинли и Гу Нун».

***

Два дня спустя директор Центральной больницы «Цзяцзя» Чжай Нин через официальные каналы учреждения и личный аккаунт опубликовала результаты почвенной экспертизы.

«Я, Чжай Нин, сообщаю следующее: после уточнения информации у сотрудников хозяйственного отдела больницы незамедлительно связалась с соответствующими ведомствами для забора проб грунта. В образцах, взятых с глубины одного метра, были обнаружены остатки лекарственных веществ, чьи характеристики полностью идентичны описанию препарата «Люйиньсюй» в научных работах Ли Цинли. Теперь мы можем с уверенностью утверждать, что именно на этом месте много лет назад незаконно уничтожались партии препарата. Заведующий педиатрическим отделением Чжоу Хун отстранён от должности и находится под следствием. Наша больница выражает глубочайшие соболезнования семьям пострадавших участников испытаний и приносит искренние извинения профессорам Ли Цинли и Гу Нун, ставшим жертвами чудовищного навета. Мы обязуемся провести глубокую работу над ошибками и призываем всех сотрудников извлечь урок из этой трагедии. Мы и впредь открыты для общественного контроля».

Там, под метровым слоем земли, где десятилетиями шли дожди, размножались бактерии и прорастали корни, улики медленно разрушались день за днём.

Если бы всё затянулось ещё немного, если бы расследование шло медленнее — доказательства могли бы исчезнуть бесследно.

Но, к счастью, «Люйиньсюй», похороненный во тьме забвения, в один прекрасный день пробился сквозь толщу земли. Он принёс с собой правду, чтобы восстановить справедливость для своих создателей, пусть и с трагическим опозданием.

Заявление Чжай Нин, скреплённое официальной печатью больницы, стало финальным аккордом в этой истории.

«Значит, теперь всё подтверждено официально. Как же это горько и нелепо — погубить двух прекрасных людей из-за чьих-то амбиций».

«Сжигать лекарство прямо у чёрного входа больницы... Какая наглость, какая уверенность в собственной безнаказанности!»

«Всё тайное становится явным. Пусть это послужит уроком всем негодяям, которые надеются на авось. Возмездие всегда настигнет, это лишь вопрос времени».

«Если бы люди в сети были хоть немного спокойнее тогда, ничего этого бы не случилось».

«Слушайте, а у кого-нибудь остались скриншоты? Кто тогда больше всех травил и оскорблял профессоров? Пусть выйдут и извинятся публично!»

«Уже нашли. Зайдите в @██████████bot, там всё сохранено».

Множество людей перешли по ссылке к записям двухлетней давности. Скриншоты и тексты не были удалены — владелец бота не высказывал своего мнения, он просто методично фиксировал реальную картину того, что творилось в сети в те дни.

Слова, на которые больно было смотреть:

#Люйиньсюй — смертельный яд#

#Ли Цинли и Гу Нун должны искупить вину смертью#

#Помолимся сегодня за невинных детей#

#Ли Цинли и его порочная связь со студенткой#

#Плагиат в диссертации Гу Нун#

#Фото роскошных машин и особняков семьи Ли#

В топовых публикациях по этим тегам кипела ненависть и осуждение. Записи набирали миллионы лайков, а в комментариях царило безумие: люди соревновались в изощрённости оскорблений, опускаясь до тошнотворной низости.

Никто не смог бы сохранить душевное здоровье под таким шквальным, неостановочным огнём сетевой травли.

Люди начали мучительно вспоминать: неужели тогда всё действительно было так страшно? Неужели это мы ставили те миллионы лайков? Почему я не помню в себе той слепой ярости?

Гнев общественности тут же перекинулся на владельцев тех аккаунтов, что сеяли ложь. Но стоило людям начать поиск, как выяснилось: почти все блогеры, проявлявшие чудеса активности в те дни, удалили свои страницы сразу после того, как дело было закрыто. Те же немногие, кто остался, стерли старые записи и сменили имена, заматывая следы.

«Почему они все удалились?»

«Почти никого не найти, даже топовые комментарии исчезли!»

«Неужели они увидели опровержение и им стало стыдно?»

«Да вы разве не понимаете? Это была спланированная акция. Все эти люди, брызжущие ядом с позиции «высокой морали», делали это намеренно. Их целью было разжечь гнев толпы, чтобы те, кому некогда вникать в суть, примкнули к армии хейтеров».

«Значит... их целью было довести Ли Цинли и Гу Нун до конца, чтобы дело было закрыто навсегда!»

«Нами просто манипулировали. Мы стали клинком в руках «Сухэ Био», которым они ударили в сердца тех, кто действительно о нас заботился».

«Это работа профессиональных ботоферм. Таких же, что до последнего ставили под сомнение эффективность «Люйиньсюй». Это оружие, которым корпорация затыкала голоса правды».

«К счастью, теперь мы прозрели. К счастью, нашлись люди, не побоявшиеся рассказать всё как есть. Мы не дали «Сухэ» победить снова!»

«Скриншоты в этом боте — зеркало правды, от которого не убежать ни одному участнику той травли. Пусть погибших не вернуть и извинениями ничего не исправить, я всё же скажу: простите нас».

«Простите. Я не удосужился проверить факты и слепо поверил кукловодам, причинив боль

двум великим учёным».

«Простите меня. Тогда я был лишь студентом-биохимиком, считал себя пупом земли и раздавал советы направо и налево, вводя в заблуждение дилетантов. Только сейчас, набравшись знаний, я понял, что такое истинное благоговение перед наукой».

«Я не помню, почему я был так безумен. Наверное, я просто дрянной человек».

«Простите. Я повёлся на вырванные из контекста фото и поверил слухам. Я совершил ошибку, о которой буду жалеть всю жизнь».

«Простите. Мною двигали эмоции, и я сам стал разносчиком заразы. Понадобилось два года и какое-то голосование в шоу, чтобы я узнал правду».

«Простите. В тот год у меня в жизни всё было плохо, и я просто выплескивал свой яд в интернете».

«Мне стыдно. Я наивно полагал, что публичные люди должны терпеть любые придирки, и не ведал, что всё — ложь».

«Простите. Я был одним из тех, кто писал те комментарии».

«Я не участвовал в травле напрямую, но мне всё равно не по себе. Я всегда знал, что та машина на фото — из музея автомобилей, но я был трусом. Я боялся, что меня тоже заденет, и промолчал».

***

В мгновение ока под постом бота, который раньше никого не интересовал, скопились тысячи комментариев, полных скорби и раскаяния. Скриншоты двухлетней давности и нынешние слова разделяло всего два года, но казалось, что между ними пролегла целая вечность.

Имена Ли Цинли и Гу Нун наконец перестали ассоциироваться с ложью и преступлениями. Спустя два года после смерти они вернули себе честное имя и заслуженное уважение.

Аккаунт @bot, который никогда прежде не высказывал личного мнения, сделал репост своей же записи. Впервые за пять лет существования владелец сопроводил публикацию коротким комментарием:

«Весь смысл моего существования заключается в том, что меня не должно было существовать».

***

День выдался ясным, в горах было свежо, а персиковые деревья в легком тумане утопали в пышном цвету.

Ли Жун пришёл на кладбище «Сишань», мерно шагая в сторону укромного уголка, где затерялось среди прочих скромное надгробие. На холодном камне были высечены имена его отца и матери, а с овальных чёрно-белых снимков глядели их застывшие лица.

Трава вокруг была тщательно выполота. Одна из ветвей персика переросла ограду и теперь склонялась прямо над могилой, укрывая её нежным пологом. Ветер колыхал дерево, и розовые лепестки медленно осыпались на гранит.

Ли Жун замер перед надгробием. Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся лиц своих родителей — таких молодых и светлых. Его глаза прищурились в нежной улыбке. Он заговорил негромко и легко, словно они всё ещё были дома:

— Чжэн Чжупаня и Чжоу Хуна забрали. Улики неоспоримы, приговор — лишь вопрос времени. Хэ Даюн за своё производство подделок уже платит сполна: сын так и не захотел его признать, и бог знает, когда они смогут помириться. Чжай Нин... Она предала ваше доверие, но в итоге помогла мне. Чтобы возродить «Люйиньсюй», её помощь ещё понадобится, так что я взял на себя смелость и отпустил её. Что касается остальных... вы бы наверняка не хотели, чтобы я им мстил. Но... я всё же очень злопамятный. Видимо, такое качество, как великодушие, вы мне по наследству не передали, а?

Он улыбался так искренне, но слезы, не подчиняясь воле, катились по щекам.

Ему действительно стало легче. Он наконец-то разгромил врагов своими руками, он не прожил эту вторую жизнь впустую. Его упрямство, его борьба — всё это имело смысл. Даже когда впереди была лишь тьма, он не отступил ни на шаг. Юноша заставил заплатить всех: тех, кто вредил, тех, кто ненавидел, тех, кто разрушал. Теперь он мог стоять здесь, глядя в лицо смерти и потере.

И всё же сейчас он чувствовал себя обиженным ребёнком — ведь только перед родителями можно позволить себе такую слабость.

Его плечи мелко вздрогнули, слеза повисла на подбородке, и ледяной ветер тут же обжёг кожу.

— Вы... в следующей жизни... не оставляйте меня больше одного.

Ветви персика тихо качались, в воздухе плыл терпкий аромат цветов. Надгробие безмолвно стояло под горным ветром.

Ли Жун пробыл там долго — пока тело не продрогло, а ноги не начали неметь.

Когда-то он мечтал, что в день, когда правда восторжествует, он перенесёт прах родителей в более достойное, светлое место. Но сегодня он передумал. Ведь сейчас их души были самыми чистыми и свободными в этом мире, в окружении цветов и вольного ветра.

Юноша осторожно положил листок бумаги перед надгробием, прижав его курильницей. На бумаге его почерком были выведены две строчки, ставшие его волей:

«Дождь бьёт, но светильник не гаснет; ветер дует, но цвет становится ярче».

Закат окрасил кладбище в багровые тона. Цэнь Сяо подошёл сзади и обнял Ли Жуна, бережно стирая холодные слезы с его лица. Он бросил взгляд на могилу, залитую мягким светом, и негромко произнёс:

— Малыш, раз уж мы с тобой смогли вернуться в выпускной класс, чтобы всё изменить, то твои родители наверняка тоже смогли. Может, они вернулись в ещё более раннее время, когда ты был в начальной школе или в средней. Туда, где ничего плохого ещё не случилось. Они такие умные, они обязательно, как и ты, переиграют судьбу. Смерть — это не финал. Сильные души всегда находят новый путь.

Ли Жун застыл, глядя на Цэнь Сяо полными слез глазами. Дослушав, он всхлипнул и улыбнулся:

— Спасибо тебе.

Эти слова принесли ему долгожданное умиротворение, залечив застарелые раны. Смерть — это не конец. Ни он, ни его родители никогда не прекратят борьбу с судьбой. Они просто на разных полях сражений, но они всё так же связаны.

Цэнь Сяо нежно погладил его по голове.

— Надеюсь, когда они вернутся, они не забудут шепнуть одному хмурому мальчишке, чтобы он почаще улыбался своему соседу по парте. Ведь сосед его очень любит.

Ли Жун рассмеялся. Его глаза превратились в полумесяцы, он приподнялся на цыпочках и коснулся прохладными губами губ Цэнь Сяо. Чуть задержавшись, он прошептал прямо ему в губы:

— Сосед только и знает, что изводить меня. Совсем Старосту не уважает, вечно с бандой из «Ланьшу» какие-то каверзы строит.

Цэнь Сяо притянул его за талию к себе:

— Зато этот Староста у соседа всегда в самом сердце.

***

Солнце скрылось за лесом, и алые краски заката медленно угасли.

Они вместе спустились с горы, но не поехали в город, а направились в сторону зоны развития. В последние дни старушка обрывала телефон, требуя, чтобы Ли Жун немедленно приехал. Новости в сети разлетаются быстро, и все родственники уже были в курсе событий.

Поднявшись к квартире, юноша постучал. Цэнь Сяо остался ждать внизу, прислонившись к машине в тишине ночи.

Едва дверь открылась, бабушка по материнской линии с заплаканными глазами бросилась к внуку:

— Ли Жун! Ли Жун, ты видел?! Твоих родителей оправдали!

Её седые волосы растрепались, лицо прорезали глубокие морщины, а по щекам бежали слезы, делая её вид почти жалким. Ноги её, и без того слабые, мелко дрожали, она мёртвой хваткой вцепилась в руку внука, и из её горла вырвались глухие, болезненные стоны.

Ли Жун видел её разной: надменной, несносной, спесивой, пользующейся своим возрастом для давления на других. Но он никогда не видел её такой раздавленной. Казалось, она хотела выплакать всю горечь и обиду, накопленную за эти годы, разрушив маску напускного спокойствия.

В её возрасте у людей часто не остается сил бороться за правду — они лишь молятся, надеясь на чудо. Она страдала, но чтобы выжить, ей приходилось бежать от своей боли. И вот, наконец, небеса смиростивились, и свет вернулся в этот дом.

Конечно, она искала того, кто поймёт её лучше всех — своего внука. Но тот уже выплакал всё своё горе на кладбище. Он молча поддерживал её под локоть, а когда она начала задыхаться от рыданий, осторожно усадил на диван.

Родственники, утирая слезы, наперебой утешали его:

— Жун-эр, ну слава богу. Теперь твои родители чисты перед законом, можешь ходить с гордо поднятой головой.

— Хороших людей в мире всё-таки больше. Наконец-то справедливость восторжествовала.

— Этот проклятый Чжэн Чжупань получил по заслугам. Ваша семья всегда делала добро, и небо это видело.

— Бабушка все эти дни глаз не смыкала, следила за каждой новостью, боялась, как бы чего не сорвалось. Что же ты так долго не ехал?

Глаза старушки были красными и мутными. Она судорожно сжимала руку юноши:

— Ли Жун, всех злодеев схватили. Это всё тот Чжэн Чжупань из «Сухэ» подстроил, потому что твои родители мешали его выгоде. Теперь все знают, что они были ни в чём не виноваты. Ты ведь счастлив, правда? И я тоже...

Молодой человек посмотрел на её сухую, морщинистую руку. Его веки дрогнули, и он тихо произнёс:

— Этого мало.

Старушка, захлёбываясь слезами, не расслышала:

— Что ты сказал?

Он поднял взгляд на её зарёванное лицо. Его глаза были пугающе холодными.

— Этого мало. Я вышвырну лекарство «Цзякэтин» с рынка. Я хочу, чтобы Чжэн Чжупань своими глазами увидел, как я уничтожаю дело всей его жизни.

Бабушка вздрогнула от его ледяного тона, её хватка ослабла.

— Ты... о чём ты вообще говоришь?

Ли Жун молча смотрел на неё. Она медленно подняла дрожащий палец, её зрачки расширились от ужаса:

— Неужели... неужели всё это — твоих рук дело?

Он едва заметно усмехнулся:

— Статья моего отца, крах Чжэн Чжупаня, признания Цзян Цзюя, Хэ Даюна, Чжай Нин... Вы

действительно верили, что справедливость просто падает с неба?

Старушка словно окаменела. Она смотрела на внука как на незнакомца, не в силах поверить своим ушам. С того самого дня, как случилась беда, этот мальчик вёл себя подозрительно спокойно и сдержанно, будто смерть родителей не сломила его. Но в нём всегда чувствовалась какая-то странная, пугающая решимость.

Каждый раз, когда она твердила ему не лезть на рожон, он пропускал её слова мимо ушей. Казалось, он сам ищет неприятностей. Если всё это спланировал внук, значит, его разум был бездонным колодезем, полным тёмных замыслов. Её дочь и зять были простыми и открытыми людьми, откуда в их сыне это...

Она вдруг осознала, что совершенно не знает этого парня. Она даже не ведала, где он жил всё это время и чем занимался. Родственники в комнате замерли, ошарашенные его признанием.

Юноша вытянул салфетку и сам бережно вытер слезы с лица бабушки. Слезы застревали в глубоких морщинах, вытирать их было неудобно, но он был терпелив, а его движения — на удивление нежными.

— Помните, что я вам говорил? Доброта невинна. Виноваты те, кто не может её защитить. Я не просто верну честное имя своим родителям. Я заставлю всех этих лживых святош, незаслуженно занимающих высокие посты, с позором покатиться вниз!

С этими словами он бросил салфетку в урну.

В тот миг старушка почувствовала исходящий от него холод. Она поняла: в глубине души Ли Жунa живёт безумие, которое он долго и тщательно скрывал. Для неё этот финал был пределом мечтаний, но для него это было лишь начало. Он собирался затянуть в этот водоворот ещё больше людей, заставить заплатить каждого. Это было похоже на безудержный бег по лезвию ножа.

— Что за чушь ты несёшь... — пробормотала она. — Ты же ещё ребёнок, как ты можешь сокрушить такую корпорацию?

Однако очень скоро им предстояло убедиться, что слова юноши не были пустой бравадой. Всё шло именно так, как он задумал.

В день ареста Чжэн Чжупаня другие акционеры «Сухэ Био» попытались спасти компанию, резко снизив цену на «Цзякэтин». Но тем же вечером в сети поднялась новая, ещё более мощная волна негодования.

Сотни тысяч людей, ведомые горсткой смельчаков, потребовали от Исследовательского института «Хунсо» немедленно возобновить работу над «Люйиньсю».

«Институт «Хунсо» обязан взять на себя ответственность и восстановить репутацию своих учёных!»

«Дайте нам «Люйиньсюй», чтобы мы могли вылечить наших детей!»

«Не дайте «Люйиньсюй» кануть в лету. Исполните последнюю волю профессора Ли, пусть лекарство служит людям!»

«Время пришло. Перезапустите «Люйиньсюй»!»

<http://bllate.org/book/15351/1572846>